

ГЛАВА 17

Государственный наставник и наложница Шу затеяли опасную игру. Пытаясь укрепить свою власть, они призвали в мир людей демонов, но император сумел нанести ответный удар. Переиграв обоих, он сам вступил в сговор с порождениями тьмы. В этой кровавой грызне демоны расправились с наставником и наложницей, а затем, воспользовавшись их же методами, превратили правителя в послушную марионетку. Теперь этот затянувшийся спектакль, где каждый оказался хуже другого, должен был подойти к финалу под началом Фан Чуньшэна и Вэй Наньси.

Предводитель демонов пал от руки Чуньшэна. Оставшиеся твари превратились в разрозненное стадо — лишённые воли лидера, почти лишённые разума, они в панике метались по округе.

Фан Чуньшэн стоял на крыше высокого здания. Выбирая между мучительным страхом высоты и необходимостью выслеживать каждую тварь по отдельности, он, скрепя сердце, предпочел первое.

Он выпустил свою духовную энергию вовне. Сначала она походила на робкий проблеск перед рассветом, но постепенно разрослась, превращаясь в ослепительное утреннее солнце. Свет изгонял тяжелый туман, заливая сиянием всю столицу. Однако даже такой невероятной мощи было недостаточно, чтобы окончательно искоренить скверну — демоническая ци лишь на время отступила, позволив ситуации стабилизироваться.

Спустившись вниз, Фан Чуньшэн почувствовал себя так, словно из него выкачали всю жизнь до последней капли. Он едва не валился с ног от истощения.

— Временно уладили? — спросили они друг друга в один голос.

И одновременно кивнули.

Чжу Фуцин выглядела совсем раздавленной. Она не находила в себе сил заговорить с соучениками: очевидно, Вэй Наньси уже успел вкратце обрисовать ей истинную роль императора и наложницы Шу в этом безумии.

— Что планируешь делать дальше? — спросил Вэй Наньси.

— Наставник и наложница мертвы, с демонами почти покончено. А вот что касается остального... — Чуньшэн замялся. — Нельзя же оставить всё как есть этому ничтожеству?

Фан Чуньшэн понимал, что силен в сражениях, но в управлении государством смыслил не больше обывателя. Только поэтому он до сих пор не оборвал жизнь императора. Но и оставлять власть в руках человека, который ни во что не ставил чужие жизни, он не мог.

Чуньшэн не питал симпатии к монарху, но осознавал, насколько святой в эту эпоху считается императорская кровь. Даже обладая силой, они не могли просто разрушить основы государства — любая небрежная смена власти обернулась бы катастрофой, и он не был уверен, что сможет справиться с ее последствиями.

Вэй Наньси покачал головой и повернулся к Чжу Фуцин:

— Сколько у него детей? Остался ли кто-то из императорского рода того же поколения?

Несмотря на юный возраст, Фуцин, выросшая в глубинах дворца, мгновенно уловила скрытый смысл вопроса. Девочка задрожала, она судорожно сжала края рукавов, борясь с собой.

Фан Чуньшэн мягко коснулся ее головы, не желая давить.

— Больше никого, — наконец выговорила она. — Отец был единственным сыном деда. Князя других фамилий уже ушли из жизни. У отца только мы с братом.

«Братом», который даже не был императору родным по крови.

Вэй Наньси не спешил верить. В душе его шевельнулось сомнение: вдруг Фуцин лжет, боясь, что, потеряв ценность, ее отец будет убит?

— Мы не собираемся расправляться с твоим родителем, — холодно произнес он. — Но если его злодеяния станут достоянием общественности, даже простой народ не захочет видеть такого человека на троне.

Чжу Фуцин промолчала, вспомнив, что совершил отец. Она знала, что говорит правду: достойных преемников среди родни действительно не было.

— Ты ведь и сама не хочешь, чтобы он продолжал творить зло? — Чуньшэн старался говорить как можно ласковее, утешая девочку. Если бы не спешка, он ни за что не позволил бы ребенку узнать столь горькую правду.

В сердце его колола вина. Если бы они послушали Юэ Цзян, Чжу Фуцин сейчас прилежно тренировалась бы в секте. Спустя годы затворничества она вышла бы в мир, который стал иным. Возможно, она ощутила бы легкую грусть по ушедшим временам, но это было бы куда милосерднее, чем столкнуться с такой чудовищной реальностью сейчас.

— А... а я могу? — вдруг робко спросила Чжу Фуцин.

Вэй Наньси замер.

Теоретически, это не было невозможным. Женщины-императрицы в истории встречались, пусть и редко. Учитывая, в какой грязи извальный нынешний правитель, организовать передачу трона было делом вполне осуществимым.

С нынешней мощью Фан Чуньшэна можно было просто явить силу, объявив, что Чжу Фуцин находится под покровительством бессмертных. К тому же ее статус ученицы секты Линсяо послужил бы весомым козырем.

Народ, верящий в божественное право на власть, принял бы это легче всего.

Но была одна проблема: Чжу Фуцин привели сюда они двое. Если Юэ Цзян узнает, какую кашу они заварили, она в ярости пустит свои мечи в ход, и вряд ли успокоится, пока не разделается с ними обоими.

К тому же Фуцин была еще слишком мала. Даже если они добьются признания ее прав, управление страной — не игрушки. Они попросту не могли на нее положиться.

— Ты уверена, что сможешь убедить министров? — спросил Наньси.

К его удивлению, девочка кивнула.

— Я могу попробовать. Если отец согласится сам, будет гораздо проще.

Император, услышав это, едва не задохнулся от ярости. Он еще жив, а родная дочь уже сговорила с чужаками, чтобы прибрать к рукам его трон! Ждать от него добровольного отречения было верхом наивности.

Глядя в его глаза, полные такой злобы, что казалось, он готов вцепиться в глотку зубами, Фан Чуньшэн ледяным тоном произнес:

— Жизнь или смерть. Выбирай сам.

Честно говоря, если бы не остатки благоговения перед жизнью, Чуньшэн не раздумывая отправил бы его на тот свет.

Но Фуцин хотела сохранить отцу жизнь, и убивать его на глазах у ребенка было бы верхом жестокости. К тому же Чуньшэн догадывался: девочка рвется к власти именно ради того, чтобы уберечь отца. Любой другой правитель, едва укрепившись на троне, тут же предал бы огласке все преступления предшественника, чтобы окончательно растоптать его имя и утвердить свою легитимность.

— Ты еще не спрашивала мнения своего наставника, — добавил Чуньшэн. — Если она будет

против, я ничем не смогу помочь.

При упоминании учителя Чжу Фуцин не выдержала и разрыдалась.

Удивительно устроено человеческое сердце: когда ты один в безвыходном положении, ты чувствуешь лишь холодное отчаяние. Но стоит узнать, что кто-то о тебе заботится, как наружу прорывается вся накопленная горечь и боль.

Чуньшэну ничего не оставалось, кроме как отправить новое послание Юэ Цзян. Он надеялся, что она приедет и сможет утешить девочку — быть может, Фуцин прислушается к ее словам и найдет в себе силы жить дальше.

***

— Ты сделал это специально? — спросил Фан Чуньшэн, когда они наконец остались наедине.

Вэй Наньси остался бесстрастным, он лишь слегка вскинул брови:

— Что именно специально?

Чуньшэн промолчал, внимательно вглядываясь в соученика. В его взгляде читалось невольное сомнение, словно он пытался заново разгадать человека, стоявшего перед ним.

Наньси почувствовал, что атмосфера накаляется. Он хотел было оправдаться, но вместо этого, повинуясь какому-то странному порыву, кивнул:

— Да. И что ты об этом думаешь? Если я признаю, что сделал это намеренно?

Чуньшэн не имел права винить его — Наньси и так сделал для этого мира больше, чем кто-либо при его уровне сил. И всё же... Втянуть во всё это невинного ребенка. Заставить Фуцин осознать, что ее семья построена на лжи и предательстве.

Заставить ее узнать, что горячо любимые родители готовы были пожертвовать ее жизнью ради собственного спасения.

В этом не было острой необходимости. По крайней мере, не стоило вываливать на нее всю правду до мельчайших подробностей. Но Вэй Наньси — сознательно или нет — сделал именно это.

Чуньшэн корил себя за невнимательность. Лишь сейчас он начал замечать в Наньси нечто странное. В книге Вэй Наньси описывался как человек чуткий и заботливый, и Фан Чуньшэн

видел его именно таким: невзгоды и боль лишь закаляли его характер, не оставляя видимых шрамов.

Полгода они провели бок о бок, и Чуньшэн привык видеть перед собой послушного, смышенного юношу, полного жизни. Порой он даже забывал о том, через какой кошмар прошел этот человек в своей прошлой «версии» сюжета. Фан Чуньшэн опасался, что предательство и смерть оставят в душе Наньси семена тьмы.

Но нет — Наньси вел себя совершенно естественно. Он легко сошелся с учениками в долине, решал их споры, помогал Юнь Чжиюю с делами. Не будучи даже официальным учеником Зелёной долины, он стал вторым по популярности после Лююэ (Чжией из-за своей строгости откатился на третье место, а положение Господина долины было вне конкуренции).

Он казался воплощением оптимизма.

И только теперь Чуньшэн понял, насколько эта «нормальность» была ненормальной. После того как тебя растоптали и предали те, кому ты доверял, невозможно смотреть на мир так чисто и ясно. Будь ты хоть святым, обида найдет выход. Но это был Вэй Наньси. Он так непринужденно смотрел в будущее, что Фан Чуньшэн почти забыл: перед ним герой, возродившийся из пепла катастрофы. А по законам жанра такие герои склонны к жестокости.

— Я думал, что смог оставить всё в прошлом, — с горькой усмешкой произнес Вэй Наньси.

Если бы он отпирался, Чуньшэн, пожалуй, закрыл бы на это глаза — у него не было твердых оснований для обвинений. Но Наньси открыл ему свою душу.

Это поставило Чуньшэна в тупик. Читать нотации? Это выглядело бы лицемерно, как попытка проявить доброту за чужой счет. Одобрить? Тоже не в его правилах.

Он представил: если бы Наньси действительно встал на путь мести и начал заливать кровью всё вокруг, Чуньшэн, возможно, не стал бы его останавливать, но инстинкт самосохранения заставил бы его отдалиться. Не враждовать, но и не быть так близко.

Но сейчас, когда Наньси просто открыл Фуцин правду, заставив ее почувствовать ту же боль предательства, которую испытал сам, Чуньшэн ощутил лишь странную растерянность.

— Многие вещи еще не случились, но я знаю, как всё обернется. И это... пугает, — Наньси не побоялся обнажить свою уязвимость. Сейчас он выглядел почти беззащитным. — Я боюсь повторить те же ошибки, прийти к тому же финалу. И даже понимая, что нынешняя Чжу Фуцин ни в чем не виновата, я не могу не чувствовать к ней неприязни.

После этих слов Чуньшэн дрогнул.

— Я не собирался тебя упрекать, — мягко сказал он. — Считаю, что я просто сорвался. Больше я не коснусь этой темы.

Вэй Наньси затаил дыхание. Он всё ещё выглядел обиженным и несчастным:

— Значит, ты правда не злишься?

— Это я повел себя неправильно, — Чуньшэн не мог выносить его расстроенного вида. — Это твоё личное дело, а я перешел черту.

Наньси вздрогнул. На мгновение он испугался, что ситуация выйдет из-под контроля, но, увидев, что Чуньшэн относится к нему по-прежнему, он наконец смог вздохнуть с облегчением.

<http://bllate.org/book/17581/1711875>